

Денис Васильевич Давыдов

ТРИ ПИСЬМА НА 1812 ГОДА КАМПАНИЮ, НАПИСАННЫЕ
РУССКИМ ОФИЦЕРОМ, УБИТЫМ В СРАЖЕНИИ ПРИ МОНМАРТРЕ.
1814-ГО ГОДА

ПИСЬМО ПЕРВОЕ

Ты любопытен знать, почтеннейший друг мой, общий ход событий достопамятного 1812 года. Удаленным от круга действий, он представляется как волшебная опера, в которой гром, молния, морские волны, мгновенная перемена декораций, все восхищает зрителей! Но находящийся на сцене часто видит: и жестяные лучи, и полотняные волны, и хрупкие колеса, и ржавые блоки, коими движется сия (в некотором расстоянии) очаровательная механика.

Не оставляя от первого выстрела до занятия Москвы, а потом до берегов Рейна сцену сей кровопролитной драмы, наблюдая бдением критика от начала до конца все ее действие, я более, может быть, другого в состоянии удовлетворить твое любопытство. Не ожидай красноречия, я солдат и пишу по-солдатски, но как солдат люблю истину, и потому многие из деяний, описанных в журналах и реляциях, представятся в другом виде в рассказе моем, посвященном дружеству и чуждом раболепству.

Прежде, нежели войдем в подробности, обыдем целое. Мы увидим с одной стороны государство, хотя обширное, но малолюдное в сравнении с своею обширностью, с истощенною казною после нескольких браней, противных ее выгодам, и пятилетнего препядствия в торговле; занятое войнами с двумя сильными восточными державами, угрожаемое на севере завистливым соседом, не готовое к бою на западных границах своих, где армии им собираемые, едва достаточны противоборствовать авангарду армий, на него посягающих. А с другой - все вооруженные силы Европы, предводительствуемые опытнейшими начальниками и величайшим полководцем в летописях вселенной; силы, движимые непоколебимым уверением в победе, неизменно украшавшей шестнадцать лет сряду знамена их предводителя.

Вот какое взаимное было положение государств, одних восставших с духом алчности и насилия, другого предпочитавшего гибель постыдному покою! (...)

***

13-го июля Мюрат, подкрепленный 4-м корпусом, атаковал Остсрмана и Палена; корпус Докторовы и дивизия Коновничина подошла на подпору. Битва сия продолжалась два дни! Наши отступали к Витебску, где все ожидали генерального сражения; по оправдательному письму ген[ерала] Барклая видно, что и он склонен был на сие пагубное предприятие, ибо он говорит: "мое намерение было сражаться при Витебске, потому что я чрез сражение сие достигнул бы важной цели, обращая на сию точку внимание неприятеля, останавливая его, и доставляя тем к[нязю] Багратиону способы приблизиться к 1-й армии". Но он, кажется, не принял в уважение, что неприятель, занимая его при Витебске, одним или двумя корпусами, мог обратить все силы свои к Смоленску, и что по овладению им сим городом, все способы к соединению обеих армий пресекутся.(...)

К счастью, на 15-е число ге[нерал] Барклаи проник опасности и вследствие сего армия предприняла того дня отступление. Оставляя без подпоры вступивший уже тогда в дело арьергард гр[афа] Палена, она следовала тремя колоннами к Смоленску: 1-я чрез Рудню, а 2-я и 3-я чрез Поречье. (...)

26-го числа с вечера, обе армии поднялись с места и направились 1-я в Ведро, а 2-я в Катань, оставя отряд на дороге к Поречью для наблюдения над вице-королем италийским. Намерение наше было воспользоваться развлеченным положением неприятельской армии, и чрез поражение Нея и Мюрата разорвать ее линию. Мысль похвальная! Но, к нещастию, нерешительность и тут председательствовала в совете! Страх наш простирался до того, что при стремлении нашем к Рудни, мы опасались действия вице-короля от Поречья на наш правый фланг, тогда как всякое неприятельское движение, сколько было опасно от юга, столько благоприятствовало от севера, ибо обращало нас (хотя и против воли нашей) к выгоднейшему положению - к заслонению изобильнейшаго края отечества. Грусно и смешно сказать, что в совете положено было ни под каким предлогом не отходить более трех переходов от Смоленска, хотя бы случилось совершенно истребить корпуса Мюрата и Нея и тем разрезать надвое неприятельскую армию! Зачем же было двигаться с места? Зато исполнение соответствовало соображению! 27-го атаман Платов и ген[ерал]-лейтенант граф Пален соединенно разбили при дер. Инкове несколько полков неприятельской кавалерии, под командою генерала Сабостияни и Монбрюна находившаяся.

Тем началось и кончилось великое предприятие! Остальное время армии вместо наступления ходили с места на место, выбирая позиции к сражению и даже (неизвестно по каким причинам) два раза возвращались к Смоленску и обратно приходили к Рудни.

Между тем французская армия 29-го июля предприняла движение к Росасне, и 5-й корпус подвинулся из Могилева в Романове. Мюрат и Ней заняли позиции на правом берегу Днепра против дер. Холиной. ...Тот же день вся кавалерия Мюрата, подкреплённая 3-м корпусом (Нея), подошла к Красному и атаковала ген. Неверовского, который геройскою неустрашимостию изгладил проступок без пользы защищать пустой город и без надежды на подкрепление отступить 45-ть верст, окруженным всею кавалериею. Отряд сей ночевал в 5-ти верстах от Смоленска.

Что же предпринимал Барклай при быстром стремлении неприятеля к сему городу, угроженному занятием прежде возвращения обеих армий?

Проходя, так сказать, ощупью девять дней вдоль правого берега Днепра, он 4-го числа в разстройстве бежал с армиями к Смоленску, приказав ген. Раевскому, находившемуся ближе других к городу, подкрепить ген. Неверовскаго и защищать Смоленск до прибытия армии. (...)

В сей день был жестокой приступ; Бонапарте, пользуясь несоизмерностию сил с своей стороны, употребляя всю мощь свою дабы занять город прежде прибытия наших армий, но неколебимость духа и искусная защита Раевского заменила малочисленность войск его, и поправила сколько-нибудь нелепую нашу прогулку к Рудни. Обе армии прибыли ночью на высоты против города, где остановились на несколько часов. (...)

Вечером старшие генералы ездили к главнокомандующему умолять его, чтобы хотя день замедлить здачею города, взяв в уважение несметную потерю неприятеля, котораго даже резервы состояли в огне два дни сряду. Все прозьбы и предложения были тщетны; Барклай приказал оставить Смоленск и решился отступить к Дорогобужу.

Я не против сего отступления. Но должно было еще 4-го числа взвесить выгоду и невыгоду удержания Смоленска. Если оно представляло первое, то надлежало не уступать города и погрестись под стенами онаго. Если представляло второе, то следовало отступить к Соловьёву еще в ночь на 5-е число и не терять даром несколько тысяч храбрых, которыя сразились бы в другом месте с большею пользою! (...)

ПИСЬМО ВТОРОЕ

(...) 17-го августа прибыл в Царево-Займище новой главнокомандующий к[нязь] Кутузов и приездом своим возвысил дух в армии, видимо упавший от беспрерывных и бесполезных пожерт-

вований жизни и покоя в течение двухмесячного действия. Все чины явно оскорблялись хотя неизбежному, но столь продолжительному отступлению без генерального сражения, все его требовали... и может быть светлейший неосторожно пожертвовал пользою общею для угождения великодушному желанию гордых воинов! Он бросил взор на Бородинские равнины и определил их театром најесточайшей и кровопролитнейшей битвы в летописях вселенной. (...)

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ

(...) Итак покамест Наполеон находился в Москве, армия наша в укрепленном лагере при Тарутине, усиливаясь многочисленною милицию, прибывающими из резервов и депо свежими войсками и с Дону доброконными полками, в избытке всех жизненных и военных потребностей, коих транспорты покрывали Тульскую и Калужскую дорогу до глубины Малороссии, готовилась к великим предприятиям.

(...)

6-го числа октября Мюрат был атакован при реке Чернишне. Атака ведена была на левой фланг и тыл неприятеля десятью казацкими полками и 20-м егерским полком под командою ген[ерала] г[рафа] Орлова-Денисова, с подкреплением трех легких кавалерийских гвардейских полков и одного драгунского под начальством генерала барона Меллера-Закомельского. 2-й, 3-й и 4-й пехотные корпуса боковым движением вправо усиливали натиск Орлова и Меллера. План атаки был превосходен! Если бы в последующих повелениях было более точности, тогда Мюрат и авангард его погибли бы несомненно! При всем том, он отступил не без урона, оставя 1000 человек пленными, 38 орудий, большой парк, весь обоз авангарда и свой собственной.

Успех сей пробудил Наполеона, представя ему меру силы и духа русской армии.

(...)

Генерал Дорохов, занимавший Боровск, 9-го числа уведомил о усилении неприятельскаго 4-го корпуса в Фоминском, но полагал в рапорте своем, что корпус сей ни к чему более не назначен как для сделания связи авангарда французской армии с Большою Смоленскою дорогою?! Вследствие чего 6-й корпус (Докторова) определен был согласно с отрядом Дорохова нечаянно напасть на французской корпус и принудить его к отступлению. Неутомимый Сеславин открыл как силы, так и настоящее направление неприятеля, и немедленно уведомил о сем Докторова, находившагося в селении Аристове на марше к Боровску, но покамест дошло о сем донесение

до главной квартиры, Наполеон занял Боровск. Положение наше было критическое! Малейшая медленность отверзала бездны нещастия! Оставался один пункт - Малой Ярославц; судьба России, французской армии и, может быть, Европы решалась его обладанием. Ген[ерал] Ермолов, находившийся в качестве начальника Главного штаба 1-й армии при Докторове, предложил ему пути к Малому Ярославцу. Докторов колебался. Ермолов взял на себя ответственность и повел корпус форсированно к сему городу, но, прибывши к нему в ночь на 12-е число, нашел его хотя слабо, но уже занятым неприятелем. В 5 часов завязалось дело, которое с приближением обеих воюющих армий сделалось весьма значительным. Бонапарте подвинул в огонь весь 4-й корпус (вице-короля), поддерживая его 5-ю и 3-ю дивизиею 1-го корпуса. С нашей стороны подкрепили Докторова 7-м и 8-м корпусом. Битва усилилась: город был занимаем и уступаем семь раз сряду, до самой полночи, и, наконец, остался в руках неприятеля. (...)

По всем расчетам пункт Мало-Ярославца совершал приговор одной из двух армий, не взирая на то, по общему удивлению, 14-го числа оба великие предводители перенесли назад главные свои квартиры! Наполеон, оставя вовсе Мало-Ярославец, отошел в Боровск, а светлейший в с[ело] Гончарово, повелев двум казацким отрядам не терять из виду неприятеля, и поспешнее доносить о его движении. (...)

Неприятель после Мало-Ярославца нигде уже не воспрещал нашему движению, а поспешно следовал по опустошенному им пути к Смоленску. Окруженный партизанами и легкими отрядами, ни денно, ни ночью не имея спокойствия, лишаясь в следовании своем парков, орудий и обозов, и теряя великое число пленными, усталыми, бродягами и убитыми, он таким образом прибыл к с[елу] Федоровскому, что перед Вязмою, где 22-го числа был атакован всеми преследующими его отрядами, подкрепленными авангардом армии. (...)

Прибывши 28-го числа в Смоленск, он оставил город сей 1-го ноября, и 3-го занял гвардиею г[ород] Красный, неотступно тревоженный на пути своим партизанами, действовавшими в промежутках колонн и отбивавшими обозы, орудии и целыя взводы пехоты. 4-го числа армия наша расположилась на ночлег не доходя 5-ти верст до Краснова, близ большой дороги. 5-го числа она двинулась на поражение неприятеля. (...)

Авангард г[енерала] Милорадовича, состоявший из 2-го и 7-го корпусов и 2-го кавалерийского, находясь при большой дороге у селения Мерлина, допустил приближение корпуса Давуста к Красному, куда в то время двинулся 3-й корпус и 2-я кирасирская дивизия. Неприятель остановился и приготовился к бою, но стрем-

ление войск наших столько было дружно и решительно, что Давуст принужденным нашелся предпринять отступление, которое потом обратилось в бегство. (...) Еще корпус ф(ельдмаршала) Нея оставался в Смоленске и только 5-го числа утром долженствовал оставить город сей, вследствие чего г[енерал] Милорадович получил в подкрепление 8-й корпус и повеление, занявши селение Чернышню и Сырокоренье, ожидать неприятеля; прочие же войска обратились в преследование за главными силами Наполеона, следующими поспешно в Оршу. 6-го числа около трех часов пополудни казаки открыли неприятеля, приближавшегося к нашей позиции с твердым намерением пробиться сквозь оную. Отпор был жестокой и соразмерен нападению. Два раза маршал Ней возобновлял атаку и два раза в расстройстве оставлял поле сражения! Но, наконец, общий натиск кавалерии и пехоты нашей довершил поражение французов, большая часть их положила оружие, но маршал с остальными войсками перешел Днепр при Сырокореньи и успел чрез несколько дней соединиться с Бонапартом! Число пленных простиралось до 100 офицеров, 12000 рядовых и 27 орудий. Если б атаман Платов, следующий чрез Катань, успел в тот день прибыть против Сырокоренья, или село сие было бы занято Милорадовича войсками вследствие предписания, то, без изменения, и сам маршал не избегнул бы участи своего корпуса.

Однако атаман, отбивши у вице-короля еще 112 орудий под Смоленском и занявши город сей 5-го числа утром, оставил в нем 20-й егерский полк с сотнею казаков, и, отправя вслед за маршалом Неем генерала Денисова с двумя казачьими полками и 6-ю ескадронами драгун при двух орудиях, сам с 15-ю полками казаков. конною донскою артиллериею и с 1-м егерским полком взял направление на Катань к Орше правым берегом Днепра. Польза движения сего была ощутительна, но время уже было упущено! (...)

15-го числа вся Белостокская губерния освободилась от неприятеля, 1-го января главная квартира ИМПЕРАТОРА и светлейшего перешла в Мерич. Войска же продолжали преследование, стараясь направлением своим отделить австрийския и саксонския войска от 20-ти тысячной французской армии, следовавшей почти без артиллерии и в совершенном расстройстве, частью на Торунь, и частью на Данциг.

Вот тебе, почтеннейший мой друг, если не красноречивое, то по крайней мере точное обозрение 1812 года кампанию!